

ЮБИЛЯРИИ

— Какими книжками, фильмами, передачами порадуete в ближайшее время?

— Если и пораду — только книжкой. Только что вышел мой том в "Антологии русской сатиры и юмора России XX века". В этой серии книги Аксенова, Войновича, Горина, Искандера, Шварца, Хармса, находится среди них — большая честь для меня.

— Чувство юмора — это последнее, что человек должен терять на смертном одре, или в жизни есть что-то еще?

— До одра пока не добирался, но в обычной жизни, мне кажется, — да. Если уж человек теряет чувство юмора, значит, у него ничего не осталось. То есть события достигли такого ужасного накала, что ты не можешь взглянуть на них с улыбкой. Все, дальше бороться нет смысла.

— Насколько все на свете зависит от настроения?

— У меня почти ничего не зависит от настроения. Я обычно могу заставить себя делать то, что надо.

— Можете заставить рассмеяться человека, которому плохо?

— Это абсолютно индивидуально. Механику не знаю, иду всегда на ощупь, чаще удается, но изредка бывает, что я со своими дурацкими шутками только ухудшаю ситуацию. Если вижу, что достал, то огородами, огородами тихонько отползаю.

— Есть такие люди — они очень любят говорить другим гадости как бы для смеха, но страшно обижаются на любую шутку на свой счет. Как бы вы их охарактеризовали?

— Это злобные люди.

— Над какой книжкой вы в детстве смеялись больше всего?

— Марк Твен "Укрощение велосипеда" — хохотал как ненормальный и потом детям своим читал. Еще "Трое в лодке" Дж.К.Джерома, в особенности история дядюшки Поджера, который вешал картину.

— Ваш образ жизни? Какие в ближайшее время предстоят поездки, выступления, сочинительство?

— Предстоит юбилейный вечер, когда каждый раз говоришь себе: "Да не надо ничего устраивать", — но боишься, что друзья скажут "зажал", поэтому делаешь. В конце мая будет фестиваль театральных капустников "Веселая коза" в Нижнем Новгороде, а потом наш любимый "Кинотавр".

— Присутствуя нынче на великосветских тусовках, от чего вы получаете наибольшее удовольствие?

— От фуршета, если он удался.

— Когда вы

65

лет подряд в самые тяжелые новые и старые времена этот человек не теряет улыбки. При любых обстоятельствах выходили его кинокомедии (общим числом 35), смешные книжки (общим числом 21), в последние годы — кинокапустники для академической церемонии "Ники" (всего 16). Аркадий Инин улыбается из самой надежной крепости на свете — из дому. Дом возник, когда сорок три года назад он женился на сукренице, ее звали Инна, и она была самой длинноногой студенткой Харьковского политеха. С тех пор, где бы ни находился дом, все события за забором — только повод любить его еще больше. Лелеять детей и внуков, а в перспективе правнуков. Однако это не значит, что за забором совсем нельзя пошалить. Наоборот, будучи самыми надежными, семейные ценности позволяют во всем прочем оставаться легким, гибким и переменчивым. Позволяют насмешливо относиться к себе и жизни, невзирая на прожитые годы. Кое у кого из начинающих эта возможность справедливо вызовет зависть, особенно 3 мая, в день его рождения.

только родились, в каком доме жили? Был там водопровод, канализация?

— Не знаю. Я вообще помню, дай бог, последние пять лет жизни, а лучше всего — сегодня с утра. Прежде всего, конечно, был барак — война, эвакуация и город Чебоксары. Потом мы вернулись в Харьков и жили у бабушки с деушкой в частном доме. Понятия не имею, был ли там водопровод. Потом маме дали комнату в коммуналке с соседями, там уже все было. Мама работала инженером в гальваническом цехе.

— А папа?

— Папа погиб на войне в октябре 41-го, под Черниговом. Я его, честно, не помню, хотя мне было три года. У меня вообще все смутно начинается с того, что я в эвакуации потерялся в пурге. Почему потерялся, куда шел — бог весть. Но помню, что я в сугробе, метет пурга, и люди кругом с фонарями ищут, ищут...

— Когда провинциальный еврейский мальчик впервые столкнулся с антисемитизмом, к каким выводам пришел?

— Ни к каким. Я никогда в жизни с ним не сталкивался. Нет, я знаю, что он существует, что каких-то людей по пятому пункту не принимали в институт, не брали на секретные заводы — это я слышал все время, но самого бога миловал. Я считал себя абсолютно русским человеком по всем статьям.

— А как появилась на свет ваша первая литературная строчка?

— Я никогда не мечтал быть писателем. Нормально закончил школу, мама сказала: "Иди в политехнический" — я пошел, у меня не было никаких литературных амбиций — даже в стенгазету не писал. Но когда послали на кукурузу, устроился в агитбригаду, сказал, что буду конферансье, и мы в каждом колхозе сочиняли куплеты на злобу дня про конюхов и комбайнеров. Было мне тогда лет двадцать. По возвращении в институт агитбригада не распалась, а превратилась в студенческий театр. Придумывали капустники, нас звали на местное телевидение, вот тогда я и стал записывать сочиненные сценки. Начали получаться юмористические рассказы, которые я носил в харьковские газеты. Публикуюсь, значит, лет с двадцати пяти.

— Я пару раз слышала, как вы поете, а в одном интервью вы сказали, что можете влюбиться только в девушку, которая поет застольные песни. Сложилось обстоятельство иначе, может, мы бы имели сегодня в вашем лице второго Лещенко или Кобзона?

— Нет, во-первых, девушка может и не петь совершенно, но если она однажды затянет "В лесу родилась елочка" и сфальшивит — считай, она меня навеки потеряла. Хотя это, конечно, глупость. А во-вторых, из меня бы тоже никакого певца не вышло. Вот инженера вы могли бы иметь в моем лице — я восемь лет работал, был уже групповод, меня повышали и зарплату повышали.

— Как же так получилось, что вы вдруг уехали из Харькова и отправились покорять Москву?

— Да не покорял я ее, я абсолютно не амбициозен. Но я человек ответственный и, работая в проектно-институте, а потом параллельно печатаясь, однажды обнаружил, что зарабатываю литературой деньги, уже сопоставимые с инженерной зарплатой. Надо было понять, писать диссертацию или углубиться в литературный процесс. На харьковском уровне это было невозможно, сказать правду могли только в Москве. Я знал всего два места, где учат на писателя, — Литинститут и ВГИК. Собрал свои телесценарии, юморески и под копирку два экземпляра отправил. Был уверен, что в ответ получу страниц десять разбора, совершенно честно ждал серьезного отношения, хотя мог бы уже не быть таким идиотом в свои двадцать восемь лет. Получил две маленькие бумажки. Из Литинститута: "Вы не прошли творческий конкурс", из ВГИКа: "Вы прошли творческий конкурс и допущены к экзаменам". Я, естественно, первую бумажку спрятал, а вторую стал всем показывать.

— И поехали сдавать экзамены?

— Никуда я ехать не собирался. Просто мой давний друг Валера Харченко, который сам хотел на режиссуру к Герасимову, сказал: "Ну все, складывай вещи". Я ему: "Ты с ума сошел? У меня жена, ребенок". А он: "Да это один шанс в жизни, другого не будет!" Короче, взял меня за

ширку и привез в Москву. И вот два никому не известных гэкующих провинциала, один из которых к тому же еще еврей, без всякого блага с первого раза поступили во ВГИК. А вы все говорите про "деток", про "только для своих"...

— Вам крупно повезло.

— Можно и так считать. Теперь я уже сам шестнадцать лет преподаю и понимаю, как "серьезно" все это бывает. У моего рецензента из Литинститута, возможно, болел живот или девушка ему в тот день отказала, или, наоборот, он был нормальный и правильно решил, что у меня дурацкие тексты. А рецензенту из ВГИКа, может быть, девушка сказала "да", у него перестал болеть зуб и было чудное настроение — вот и мои сочинения пришлось ему по душе.

— С какими проблемами в 70-е годы сталкивался начинающий сценарист?

— Ни с какими, кроме творческих. Наш опыт не имеет никакого отношения к нынешним начинающим, потому что мы жили в прекрасной советской стране.

— Но как-то же надо было себя вести?

— Так же, как и везде. Если ты работаешь на стройке, тоже не надо хамить начальнику или бить по щекам коллегам. А все разговоры, что можно протолкнуть дурацкий сценарий, на мой взгляд, беспочвенны. При любых связях максимум, что можно было пробить, — это договор и аванс. Но дальше наступал момент запуска, а режиссер не идиот брать и ставить дерьмо. Другое дело, что молодым всегда трудно пробиваться, будь они хирурги или шоферы.

— Так что с вами произошло?

— В наши времена, как правило, молодые сценаристы шли на так называемую работу неграми. Мы уезжали в среднеазиатские республики, где писали за местных классиков. Они были очень мудрыми, кстати, настоящими аксакалами, но не владели русским языком и профессией кинодраматурга. Иногда соавторство было анонимное — только через бухгалтерию, без упоминания фамилии, — но чаще также в титрах, что для нас было не менее важно, чем деньги. Мы уже могли сказать: "А вот у меня картина..." И вот еще картина... Пройдя этот совсем не бесполезный этап, поскольку азы профессии в Голливуде надо осваивать так же, как в Душанбе, мы перебирались из Азии в Европу — в Белоруссию, Молдавию, на Свердловскую студию — и, наконец, кому повезло — на "Мосфильм" и "Ленфильм". Весь этот путь я прошел и ни одного дня об этом не жалею. Это были прекрасные времена, края, друзья, которые остались до сих пор, и опыт, опыт...

— Почему вы не вступили в партию?

— А кто тебе сказал, что не вступил? Вступил практически перед ее закрытием, но это долгая история.

— Я потерпел.

— Парторгом Союза кинематографистов был когда-то замечательный человек Павел Дмитриевич Котов — полковник, бывший летчик, фронтовик. Почему-то особенно он полюбил меня и Витю Мережку. Все время звал нас в партию, а мы, естественно, отказывались. Я по привычке твердил, что не готов, не созрел, а Витя придумал хорошую отмазку. Он обнимал парторга и говорил: "Понимаете, Павел Дмитриевич, вот если бы в партии все были такие же коммунисты, как вы, мы бы, не задумываясь, вступили. Но вы посмотрите, столько там сволочей..." И тот таял, просто расплывался, хотя и отвечал: "Ну, Витя, там тоже есть порядочные люди". А потом на место покойного Павла Дмитриевича пришел уже не такой простодушный Иван Дмитриевич, и я прокололся на природном чувстве юмора. Новый парторг заперся со мной в кабинете и сказал проникновенно: "В Грузии, чтобы вступить, дают десять тысяч рублей. Тебя я приму бесплатно". Я рассмеялся и сдался.

— Какой сценарий сделал вам имя?

— У меня не было такого, чтобы на всю страну прогремел. Я думаю, совокупность картин, которые сняли Юрий Егоров и Самсон Самсонов: "Однажды 20 лет спустя", "Одиноким предоставляется общежитие", "Отцы и деды" — вот они меня каким-то образом утвердили в профессии.

— Когда-то после двух фильмов с Гундаревой вы обещали написать для нее еще один сценарий, чтобы закончить трилогию. Этого уже никогда не будет?

— Нет, я по-прежнему мечтаю. И Наташа мне тоже при встречах напоминает: "Ну хорошо, а где Любовь?". Имеется в виду, что наших прежних героинь звали Верой и Надеждой.

— К началу 80-х пришла настоящая популярность, и у вас в 40 лет родился второй сын. Вы можете сказать: "Да, тогда я был чертовски счастлив"?

— Я всегда "чертовски счастлив". Сейчас тоже. Я счастлив тем, что есть работа, что дети здоровы, внук — умница...

— Вы когда-нибудь объяснялись в любви своей жене?

— Да, когда мы встречались, конечно. Я и сейчас могу сказать ей "я тебя люблю", вполне.

— Что вы подарили ей в последний день рождения?

— Я теперь дарю только деньги. Когда были времена дефицита, я дарил вещи, это было некой доблестью — достать кофточку, духи, туфли. Выбора не было, все было в радость. А теперь я не могу угадать, что ей больше по вкусу, что ей нужно. Но в любом случае с деньгами приношу и цветы.

— Когда в последний раз в вашей квартире был ремонт?

— Тут я не образец. Всю жизнь борюсь с ненужными телодвижениями, в частности, с зарядкой и ремонтом. Если не течет крыша и не дует, а просто оборвались обои — ничего страшного. Ну оборвались и оборвались. Конечно, это не имеет ничего общего со взглядами жены, которая периодически порывается что-то делать. Но в одиночку это ей тяжело — она у меня не вулканическая женщина, и за 27 лет проживания в нашей квартире побелка потолков и переклейка обоев случались три-четыре раза, а капитального ремонта не было никогда.

— Почему из всех возможностей, даваемых успехом, вы в основном всегда выбирались одной — попутешествовать по миру?

— Я так устроен. Тратил на это все заработанные деньги, и объездили мы стран, наверно, пятьдесят-шестьдесят. Нет, не могу сказать, в какой мне уютней. Я вообще человек неприхотливый — где ни положи, там и засыпаю. Везде гостиница, кондиционер и т.д. Но интереснее мне в странах экзотических. Поэтому даже в советские времена мне было легко попадать в турпоездки от Союза кинематографистов. То, на что я претендовал, не пересекалось с тем, на что претендовало большинство. Все рвались в Рим, Париж, Лондон, а я просился в Индию, Монголию, Вьетнам. На меня смотрели, как на недоразвитого, но ведь Индия — это другая планета, а Париж — почти та же Москва, только больше шмоток и еды в магазинах. Ну там Эйфелева башня, а у нас Красная площадь. По-настоящему интересны мне другие планеты. Никто в Непал не хотел ехать, а я залез на крышу мира, стоял и балдел.

— Почему тогда вы не писали приключенческие сценарии, а сочиняли обычно только про дом и семью?

— Я пишу про людей, которых знаю. Неделю в Непале недостаточно, чтобы писать про непальцев и непалок.

— Кто был для вас авторитетом в детстве и можете ли вы назвать живого человека, которого сегодня ставите над собой?

— В детстве не было и сейчас нет авторитетов, если под этим понимать, как у Маяковского, сделать бы жизнь с кого. Я многих уважал, некоторыми даже восхищаюсь, но никого не ставлю над собой как образец для подражания.

— В одном телешоу вы недавно сказали, что нравственность в наше время мешает жить. В какое время она не мешала?

— Да, нравственность действительно мешает делать карьеру, заниматься бизнесом, вообще достигать экономических и служебных высот. В этом смысле мешала всегда.

— Зачем же тогда не нужно делать подлостей, с какой такой стати?

— Потому что это подло.

— Веселый человек Ширвиндт однажды ответил мне на вопрос: "За что вам больше всего в жизни стыдно?" — "За излишнюю трусость. Очень часто дрейфил, когда еще можно было подождать". Вы тоже веселый человек...

— Если говорить о том, за что стыдно, то это совпадает с Шурой. Только он придает стыду политический смысл, вроде того, что кого-то в былые годы не защитил на собраниях. Кого-то у меня не было, не сложилось. Мне стыдно за повседневную, чисто бытовую трусость.

— Сколько вам лет внутри себя, в душе?

— По умственному состоянию мне немного лет, по физическому много больше, а по душе мне и в двадцать лет, наверное, было тридцать.

Ката ТАРХАНОВА.